У памяти разные лица. Есть лики, словно бы подернутые туманной поволокой: сразу не разглядишь. А есть образы, будто бы зафиксированные на самой качественной фототехнике: не стереть ни годам, ни десятилетиям. Один из таких образов — Виктор Платонович Некрасов, автор прогремевшего в свое время романа «В окопах Сталинграда». В детские и юношеские годы волею судьбы и обстоятельств мне посчастливилось оказаться в «орбите Некрасова» — среди тех людей, которые находились с ним рядом. Это и Тамара Голованова (она работала в редакции «Правды Украины», в Киев приехала из блокадного Ленинграда. Это и Полина Бондаровская (близкий мне человек — родная тетя, талантливая журналистка, имевшая рекомендации едва ли не самого Постышева, «старая комсомолка», как ее шутливо называл сам Некрасов). Приходилось бывать в доме у Некрасовых, близко общаться с его семьей. Некоторые сюжеты, связанные с Некрасовым, из памяти не стираются... В этом году 20 лет со дня его смерти (умер в эмиграции в 1987-м). А 17 июня — день его рождения (родился в 1911-м в Киеве, в семье врача). Впрочем, даты ни к чему не обязывают... Если чужая память кому-то поможет дополнить портрет удивительного человека и писателя.

сюжеты

«БОЖЕСТВЕННОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ»

Виктор НЕКРАСОВ: КИЕВ, ПОСЛЕ «ОКОПОВ»

Валентина БОНДАРОВСКАЯ

«Поля, у вас есть Карло Леви?»

Вокруг Некрасова всегда было много народу. Среди них – журналисты, писатели, актеры, архитекторы. Эти люди вместе искали ответы на вопросы о советской власти, о Сталине, о чем-то главном в жизни, обо всем, что связано с культурой, может быть, даже миссией человека на Земле. Хотя «громкие» слова произносить в этом сообществе было не принято.

В то время мы, дети, были среди них... И к нам относились как к равным. Ни разу не было сказано: «Чего крутишься? Не видишь, взрослые разговаривают?» Дети были частью этого, я бы сказала, сначала культурологического, гуманистического сообщества, постепенно превращающегося в социально-политический диссидентский центр.

В те времена железный занавес был плотен и крепок. Подростками встретили смерть Сталина, взрослели при хрущевской оттепели.

Помню, как мы, подростки, вместе со взрослыми выстаивали ночи в очередях, чтобы подписаться на собрания сочинений Чехова и Роллана. Например, зимние ночи возле магазина подписных изданий на Красноармейской, в Пассаже (там, где сейчас оружие продают). Однажды услышала разговор Виктора Некрасова и Тамары Головановой: «Как бы хотелось сейчас перечитать Хемингуэя!» – «Да, мне тоже хотелось бы!»

Прошло много лет. Хемингуэя начали издавать в нашей стране. Правда, исключением был роман «По ком звонит колокол». Ведь власть строго оберегала нас от возможности подумать: «Гражданская война – это хорошо или плохо? Все ли, кто был в Красной армии, хорошие? А в Белой – были одни ужасные?» Только в 1968 году, с большим трудом подписавшись на четырехтомник Хемингуэя, смогли прочесть этот роман, где убедительно показано, что в гражданской войне ничего хорошего нет, есть только кровь, разочарования и пострадавшие мирные люди.

Виктор Платонович любил творчество Хемингуэя, вероятно, ощущал духовную близость с ним. Помню, кто-то прислал Виктору Платоновичу журнал Life с прекрасным портретом Хемингуэя. Он сделал репродукцию с этого портрета и дарил ее своим друзьям. Подарил и мне... Этот портрет до сих пор у меня в кабинете.

Вообще в 40–50-е событием была едва ли не каждая проникшая к нам из-за «занавеса» книга. Случались казусы, такие, как с известным итальянским писателем Карло Леви.

Все деятели культуры, писатели в первую очередь, которые посещали Советский Союз и планировали посетить Киев, практически всегда встречались с Виктором Некрасовым. Об этом его заранее предупреждали по телефону из Москвы. На сей раз – это было в ноябре 1955 года – в Киев приехал Карло Леви. Еще не наступил 1956 год, не прозвучал доклад Никиты Хрущева на XX съезде. Занавес был прочен, западная культура просачивалась тоненькой струйкой.

И вот проблема, которая встала перед Виктором Платоновичем. Не знает он, кто такой Карло Леви... Не читал ни одного его рассказа и ни одной повести. Что делать? Некрасов начинает обзванивать своих друзей – не знают ли они об этом писателе. Дошла очередь и до моей тетушки. «Поля, у вас есть что-нибудь Карло Леви? Ответ был такой: «Вика, у меня есть книга очерков Карло Леви «Христос остановился в Эболи», я сейчас вам ее принесу».

И уже когда приехал гость, Некрасов был во всеоружии. Карло Леви был растроган и сделал на своей книге такую надпись: «Паулине Бондаровской в знак дружбы и симпатии. Карло Леви. Киев.11.11.55».

Костюм для Гранд-опера от Луи Арагона

Каким мне запомнился Виктор Платонович в те годы? Не таким, как все. Человеком, в котором сочетались рафинированные манеры дворянина и простецкие повадки фрондера. Человеком, который живет в соответствии со своими ценностями и своим понятием о чести.

В 1948 году он уже был лауреатом Сталинской премии. У человека с таким высоким статусом всегда водились деньги. Он мог себе позволить быть более независимым и смелым. Но выглядел при этом довольно простецки. Носил обычную кепку. И когда у нас показали индийский фильм «Бродяга», оказалось, что он чем-то похож на Раджа Капура. Виктор Платонович часто слышал раздававшиеся вслед: «Урка! Вот урка пошел, помнишь, из «Бродяги»?»

Конечно, он уже тогда крепко выпивал... Слышала рассказы взрослых о том, что он мог выйти подшофе на Крещатик и кричать: «Долой Советскую власть!» Но его не трогали – лауреат! Очень переживала его мама Зинаида Николаевна.

Тогда же говорили, что, получив очень большие деньги, он «пошел по людям»... Уже был 1949-й – страшный год, когда началась борьба с космополитизмом. Остракизму подверглись деятели украинской и еврейской культуры.

Говорили, что Виктор Платонович обошел многих своих коллег – оставлял им деньги, которые не нужно было возвращать. Среди них был и Александр Борщаговский (он позже об этом напишет).

А Софья Николаевна Мотовилова, скромно жившая на пенсию библиотекаря, денег у племянника не взяла. Была гордой. Запомнилось, что Виктор Платонович придумывал ей работу – переводы с французского языка. Потом сам их и оплачивал.

Его знаменитая квартира в Пассаже, на Крещатике, 15, состояла из двух комнат и довольно просторной кухни. В кухне хозяйничала домработница Ганя. Все проходили мимо открытой двери, но практически никто туда не заходил. Главная комната, метров 26, была проходной. Из нее можно было попасть в значительно меньшую, узкую, служившую и рабочим кабинетом, и спальней. Это была очень личная комната, и гости практически в нее не заходили.

А «публичная» комната была необычной. В то время царила мода на подчеркнутую простоту и полированную мебель. Действуя в соответствии с «Единой моделью красоты интерьера», распространенной в то время среди городского населения СССР, люди доставали эту новомодную полированную

Некрасов. Свой круг

мебель и обставляли свои квартиры, следуя картинкам из тех журналов и каталогов, которые уже проникали из-за рубежа. Стены должны были быть открытыми с отдельными акцентами на них – картинами или фото.

Но у Некрасовых все было не так, как у всех. Мебель казалась довольно простой: большой книжный шкаф, в центре – большой стол, за которым размещалось человек 14–16 совершенно комфортно. Но главное – стены. На них все самое интересное: картины, эскизы, фотографии.

Виктор Платонович любил удобные вещи, в которых чувствовал себя уверенно и легко. Например, в филармонию принято было надевать строгие костюмы, а он приходил в зеленом вельветовом пиджаке мягкого покроя. А дома его можно было увидеть босого, городские жители тогда не очень себе такое позволяли.

Время от времени Виктор Платонович ездил за границу. И тут он был «не таким, как все». Советские люди старались привезти какие-то заморские вещи себе и своим родным. А он всегда привозил книги. Помню, в Италии, где он был с Паустовским и Бажаном, все купили Библию – русские писатели на русском языке, а Бажан – на украинском. Пределом мечтания было чтение книги Зенона Косидовского «Библейские сказания».

Еще Виктор Платонович имел привычку из каждого зарубежного отеля, в котором останавливался, привозить пепельницу, дешевую пепельницу, обязательно с эмблемой отеля или города.

Только однажды он купил маме темно-зеленую шерстяную кофточку с маленькими пуговичками. А после его поездки в Париж, где он посетил Гранд-опера, Виктор Платонович привез черный костюм... Гардероб у него был всегда демократичный и скромный. А тут в Париже надо идти в Гранд-опера. Нет костюма и нет денег! Тогда советские люди, пусть и очень известные, подчинялись единым правилам жизни и поездок за границу. Им выдавали мизерное количество денег, на которые можно было купить альбом по искусству или свитер на распродаже, но никак не костюм, необходимый для посещения оперы. И вот костюм Некрасову купили Луи Арагон и Эльза Триоле.

Еще с тех времен запомнился привезенный Виктором Платоновичем альбом Сальвадора Дали. Качество печати – потрясающее, множество репродукций. Особенно поразили его работы, посвященные библейской тематике.

Запомнились и впечатления от рассказов о совместном путешествии с Константином Паустовским. Замечательный писатель делился с «Викой» своей печалью: «Некому передать эстафету русского слова. Все пишут, можно сказать, не на русском, а на советском языке. Вот разве что Юрий Казаков, его рассказы...»

Виктор Некрасов

А в доме у Некрасова был, что называется, интеллектуальный клуб. Особенно в 50–60-е годы. Вечером приходили друзья, знакомые, с которыми он учился архитектуре, писатели, те, с кем жизнь сталкивала в разные периоды жизни в Киеве, новые знакомые.

Запомнились Исаак и Эва Пятигорские, Ава Милецкий, известный киевский архитектор, художники Ада Рыбачук и Володя Мельниченко, Лёля Рабинович (писатель Леонид Волынский, участник спасения Дрезденской галереи, автор замечательной книги об этой операции), писатель Михаил Клигерман, Евгения Львовна Утевская, замечательной духовной красоты и интеллигентности женщина, известный химик, и ее дочь – писательница Паола Утевская, Анна Эммануиловна Кобзарь и ее сын Андрей. Была и моя тетка Полина Бондаровская. И конечно, Нина Аль, которая с некоторых пор жила у Некрасовых. Иногда появлялись одна из двух таинственных красавиц – Муся Минина или Евгения Гриднева. Обе они были окружены разного рода легендами.

«В Киев, а тем более в Москву, совсем не тянет»

Тетушка моя, Полина Моисеевна, любила Виктора Платоновича и его маму Зинаиду Николаевну нежно и преданно. Каждый год в мае она ездила в лес и собирала ландыши. Букет предназначался Некрасовым. А осенью она привозила из лесу покрасневшие листья дуба, ярко-желтые ветки других деревьев. Дома она осторожно гладила их утюгом и складывала в фантастические букеты.

Когда ее не стало в 1982 году, опечаленный Виктор Платонович написал из Парижа Тамаре Павловне Головановой в Ленинград:

«Дорогая Тамара! Очень ты меня огорчила сообщением о Поле Бондаровской... Как ни странно, но даже у меня связано с ней не только ее забавная «комсомольскость», но и трогательные букетики цветов и листьев, которые она приносила маме. А вообще, одним словом, двумя – ушел славный человек...». 27.VII. 82.

В доме у Некрасовых всегда было интересно. Многое из рассказанного или обсуждавшегося в то время запомнилось надолго.

Виктор Платонович очень любил журналиста Яню Богорада. Относился к нему с нежностью. Помню, он очень красочно рассказывал, как Яня, попав в плен к немцам, спасся благодаря своей славянской внешности и великолепному знанию Библии. Намереваясь даже спустить с него штаны и проверить, не обрезан ли он, полицаи и немецкие офицеры так заслушались библейскими сюжетами и заповедями в исполнении Яни, что и так поверили, что он не еврей. Потом он бежал из плена, его спасала украинская девушка, рискуя своей жизнью. После войны он на ней женился.

Любил Виктор Платонович художников Аду Рыбачук и Володю Мельниченко. Следил за их творчеством, поддерживал их грандиозный проект в Киевском крематории.

Его касалось все, но не столько в общечеловеческом масштабе или масштабе страны. Он был человеком факта, беды отдельного человека, боли людей. Когда он увидел, что делается в Бабьем Яре, воспринял это как свою собственную боль. И говорил об этом. «Над Бабьим Яром памятников нет...» Потом он начал водить туда тех, кто к нему приезжал. Повел и Евгения Евтушенко. Евтушенко был настолько потрясен, что написал стихотворение, ставшее знаменитым. Его опубликовала «Литературная газета». Помню, друзья Некрасова обсуждали, что смелость главного редактора «Литературки» Косолапова стоила ему должности – дескать превысил меру дозволенного.

А Дом Булгакова? Это отдельная история. Виктор Платонович был блестящим рассказчиком. Когда он чем-то увлекался, это становилось как бы внутренним его центром, вокруг которого группировалась и организовывалась вся информация, которая попадалась ему на глаза. Так было и с домом Булгакова. Перечитывая «Белую гвардию», он окунулся и в мир своих воспоминаний. Гулял по Андреевскому спуску, вспоминал, как они – дети бегали вокруг «Замка Ричарда». Вычислял Виктор Платонович дом, где жила семья Булгакова. Попытался зайти к людям, которые там обитали, расспросить их о семье Михаила Афанасьевича. Но его не впустили. То ли боялись любых напоминаний о страхах, которых они натерпелись за годы Советской власти, то ли Виктор Платонович был «не в форме», то ли внешность его вызвала у них подозрение (вспомним его сходство с «бродягой»). В общем, не впустили и даже не стали разговаривать...

Ну а друзья его очень любили. Гордились им. Следили за публикациями, каждый раз надеясь, что обязательно будет шедевр, превосходящий или, по крайней мере, не уступающий «Окопам Сталинграда». Только в кругу друзей он никогда подробно не говорил о своей новой работе и не читал вслух глав из новых произведений.

После «Окопов...» многие ожидали такого же раскаленного повествования, произведения, которое обязательно войдет в историю. Помню, когда в журнале «Новый мир» была напечатана его повесть «Кира Георгиевна», многие остались разочарованы, не ожидали от Некрасова другого стиля, непринужденности изложения.

Каким-то чудом сохранился черновик письма, которое написала моя тетушка Виктору Платоновичу, и его ответ на это письмо. Приведу их полностью потому, что это многое раскрывает в личности писателя. Вот что она писала:

«5/I 1964.

Здравствуйте, Вика. Вы просили написать. Что же, каникулы, можно разрешить себе такую роскошь. И в каникулы работаю. Ничего интересного в театрах, кино. Работаю, обдумываю, как дальше буду со своим классом жить, куда их направить.

– Где те идеи, за которые стоит бороться, отдавать свою жизнь? – спросили они меня еще в прошлом году.

– Ищите. Я всю жизнь ищу. Не хочу давать вам готовые ответы.

– И мы назвали свою стенгазету класса «В походе». В походе за знаниями, добрыми делами, за честной жизнью, за идеалами.

Я Вам рассказывала, как у нас шла речь о Белинском, Герцене, а в нынешнем учебном году о Чернышевском, о Солженицыне. Большой проникновенный разговор был у меня с ними о Бойченко в связи с его шестидесятилетием. И нужен мне, очень нужен разговор о наших современниках, которые борются и не сдаются. Вот почему мне нужны были Ваши рассказы и я с нетерпением ожидала одиннадцатый номер «Нового мира». И дождалась, и теперь я не могу ребятам эти рассказы рекомендовать. О чем они говорят? Разве так пишет тот, кто не сдается? Я не могу сказать, зачем эти рассказы, для чего. Ибо сама не понимаю этого.

Но я все равно ребят к Вам привезу, не домой, конечно, потому, что Вы это Вы. Возьму Ваши старые рассказы, а потом «Окопы» (мы еще до Сталинградской битвы войну не учили), а об этих последних им ничего не скажу, ибо молодежь не прощает.

Интересный факт. У нас в школе был когда-то культ Паустовского. Любили его за романтику, за то, как он видит и чувствует природу, за честность. Каждую строчку его подхватывали, читали, восторгались. Эти уже года три, как окончили школу, пришли ко мне на днях, сердитые, возмущенные.

« – Как он смел написать такой «Дым отечества»?

И дело не в том, что на расстоянии виднее», говорят они. «Некрасов ведь тогда увидел, написал иначе».

И все очарование Паустовского исчезло.

А вообще-то быть в походе и мне, и моим ребятам нелегко. И поэтому нам требуется помощь от Вас, писателей, от художников, от людей умных, зрячих, смелых и честных. И поэтому мы сердимся на Паустовского за «Дым отечества», на Леонова за «Евгению Ивановну», на Некрасова за рассказы-безделушки из блокнота. И особенно сержусь я на Вас! Потому что по Вашему же заказу я всем отвечаю: «Он не сдается!»

Расцените мое письмо как хотите. То ли как обычное читательское, которых Вы получаете много. Но учтите, я ни разу ни одному писателю не написала. А лучше, если вы расцените мое письмо как письмо человека, который к Вам уж очень хорошо относится и хочет, чтобы Вы все время шли в гору в нашем с Вами понимании. Вы ведь можете идти и идете вместе с нами.

Вы обещали ответить. Жду ответа.

Большой, большой привет Зинаиде Николаевне. Я ее очень люблю и уважаю. Самые лучшие пожелания Вам и Зинаиде Николаевне к Новому году.

Поля Бондаровская».

Не знаю, как вам, уважаемые читатели, а мне – психологу, который исследует психологические последствия тоталитарного советского режима, это знаменательное письмо о многом говорит...

В этом письме отражена одна особенность «очарованных душ XX столетия», детей военного коммунизма и их пренебрежительное отношение к радостям повседневной жизни. Поэтому простые, безыскусные рассказы Некрасова не стали для многих читателей открытием новых героев. «Божественность повседневной жизни» – вот что дано было чувствовать писателю Некрасову.

И Некрасов ответил. Его письмо сохранилось...

«25/I 64

Ах, Поля, Поля... Огорчили Вы меня своей оценкой моих последних вещей. И не потому, что я их считаю хорошими, а Вы нашли их плохими, а потому, что слишком, по моему, даже понятные вещи оказываются понятными не всем. В частности, Вам. Неужели Вы, старый журналист и газетчик, не уловили того, что рассказы эти были приняты «Н.Миром» еще задолго до того, когда решилось мое «дело» и что «новомировцы» проявили несвойственную советским редакторам смелость, отдав в набор рассказы человека, фамилию которого им не разрешили упоминать даже в списке авторов будущего года (10-й номер «Н.М.» был задержан выпуском на 12 дней только из-за упоминания моей фамилии – вопрос решался в ЦК). И все-таки они это сделали, считая, что самое важное, чтоб рассказы появились одновременно с моей реабилитацией. Появление – вот что было самое важное. Это – первое. И второе. Я ни минуты не собираюсь защищать или превосходность сами рассказы, но неужели же Вы не заметили в них, при отсутствии внешней полемичности, внутреннего, завуалированного (для большинства читателей ясного) ответа в них на критику по моему адресу. В «Новичке» (рассказе, кстати, старом, 15-летней давности) – явный ответ на приписываемое интеллигенции пренебрежение к «простому» народу, к «седым усам» – дружба Масляева со всем взводом достаточное, на мой взгляд, опровержение этого нелепейшего из нелепейших утверждений. Неужели это неясно? А в рассказе про полет в самолете? В Марокко, мол, дикие контрасты, богатство и нищета, богачи пьют коньяк, а бедняки самогон... А у нас? Приехали в деревню и мамаша солдата тут-же послала за самогоном. Кончается же словами: «Весь остаток пути писатель рассказывал о контрастах Марокко». Кстати, писателем этим был Богдан Чалый, что тоже кое о чем говорит.

В «Царь-рыбе», рассказе явно шуточном и как будто бы ни на что особенное не претендующем, неужели Вы не уловили (а 90% читателей уловили, в том числе, думаю, и в «инстанциях»), что вся эта «рыбная идиллия» приурочена как раз к дням моего «процесса»? Если Вы не поняли для чего я это сделал, то, ей-богу же, виноват в этом не я... Как Вам все это объяснить своим детям – это уже другой вопрос, тут я сказать не могу.

Вот так-то, дорогая Поля...

За сим желаю Вам всего хорошего, передаю привет от мамы, и могу только сказать, что зимняя Ялта это вещь! В Киев, а тем более в Москву, совсем не тянет, но ни того, ни другого не миновать.

Привет всем хорошим киевлянам.

Ваш Вика».

* * *

И еще одна история... Приезд в Киев молодого американца, который был потомком одного из сослуживцев тетушки Виктора Платоновича – Софьи Николаевны Мотовиловой. Наслушался рассказов о Киеве – и решил увидеть его своими глазами. Получив сообщение о приезде этого человека, Вика решил показать ему жизнь советскую, как она есть. И попросил мою тетку Полину принять их в своей полутемной комнате коммунальной квартиры в бельэтаже дома по улице Владимирской 48а, расположенном возле Оперного театра. Тетка согласилась.

Итак, гости. Американский юноша и Некрасов. Надо угостить. Тетка хозяйством практически не вела. А тут... Она умела готовить только два блюда: суп по-мельничьи и тушеное мясо. Это и было угощением. Американец был милый, приветливый, непритязательный. Беседовали о нашей жизни.

Потом в журнале «Новый мир» вышел рассказ Некрасова. Опять с осознанием божественности повседневной жизни, мягким юмором и любовью к людям.

Вспоминается, каким событием в жизни Виктора Платоновича было создание фильма по его «Окопам...». Это были счастливые дни. В доме у Некрасова все время обсуждалось, кого на какую роль берут, как продвигается работа над картиной.

Была целая история с ролью Фарбера, интеллигентного еврея, одного из героев романа. Режиссеру не нравились претенденты. Он уже потерял всякую надежду подобрать на эту непростую роль подходящего актера. Появился еще один претендент. Режиссер продолжал сидеть спиной к сцене. А актер заговорил. «Повторите, голубчик, еще раз!» – оживился режиссер. Это был тогда мало кому тогда известный Иннокентий Смоктуновский. Знатоки кино и театра, посмотрев фильм «Солдаты», поняли: Смоктуновский – большой артист.

И Виктор Некрасов тоже появился в том фильме – только в роли немецкого пленного солдата, который замерзает и еле-еле передвигает ноги.

Спустя годы осознаешь, что в какой-то степени и сам Виктор Платонович оказался «пленником» собственной судьбы, сложного исторического времени, политической конъюнктуры... Впрочем, это уже совсем другие истории.